

ИЗ СОВДЕПИИ В ЧУЖЕЗЕМНУЮ РОССИЮ: БЕГСТВО П.М.ПИЛЬСКОГО

Известный в дореволюционной России литературный и театральный критик, фельетонист и писатель Петр Моисеевич (Мосеевич) Пильский (1879 - 1941) подобно сотням тысячам других вынужден был эмигрировать из большевистской России. В эмиграции он стал одним из тех, кто определял культурный климат русской общины двух стран – Латвии и Эстонии. По мнению одного из современников, А. Амфитеатрова, Пильский был “выразительнейший представитель той европейской литературной культурности, которую они унесли с собою в изгнание с кладбища удушенной большевиками России. Той культурности, что ныне в бедах и нуждах чужбинного быта спасает русских эмигрантов от одичания и опошления”¹.

В историко-типологическом плане его бегство в какой-то мере было сходно с другими² (“Все было в полном согласии с эпохой... готовые формулы, конечно, надоевший говорок, - а ведь все это было, было, иначе не скажешь.”³), а в чем-то принципиально отличается.

Веру в революцию Пильский утратил уже в начале марта 1917 года. Ужас и негодование вызывали у него выступления и лозунги большевиков. Его неприкрытая враждебность постоянно проявлялась в его статьях⁶.

С мая по июль 1917 г. Пильский и А. Куприн совместно редактировали ежедневную газету “Свободная Россия”, которая “яростно нападала на большевиков, на “Правду”, “Солдатскую правду”. Призывала “беречь Керенского”⁷ и была закрыта летом того же 1917 г. Весной 1918 г. Пильский становится сотрудником вечерней газеты “Петроградское эхо” (издатель И.М. Василевский), где 9 мая была опубликована роковая для его судьбы статья “Смирительную рубаху!”. Описывая события городской жизни, Пильский прибегает к резким критическим оценкам победивших масс: “Из всех публичных выступлений наибольший успех имели те, которые были лишены всякой логики. Побеждали на митингах неизменно какие-то истерики”⁸. Весной матросы “волею революционного народа” освободили сумасшедших из

психиатрической больницы Николая Чудотворца и других. Это дало Пильскому повод для подробного изучения вопроса об успехе душевнобольных у народных масс, вопроса, который, как оказалось, не был понятен врачам-психиатрам. Собранные ими фактические материалы Пильский использовал в своей статье, в которой, по словам Куприна, “с научной серьезностью, опираясь на последние данные психиатрии, он классифицирует всех главных проповедников большевизма по видам их буйного сумасшествия и настаивает на заключении их в изолированные камеры сумасшедшего дома, с применением горячечной рубашки”⁹.

В самый день появления статьи, в которой с вызовом говорилось, что “по крайней мере, двузначное число комиссаров лишено здравого рассудка и место для этих новаторов должно быть приготовлено в лечебницах и что они настоятельно нуждаются не только в броне, не только в душах, но и в крепкой смирительной рубашке, столь полезной для неистовствующих галлюцинов”¹⁰, Пильский был арестован и после допроса отправлен в камеру при революционном трибунале во дворце вел. кн. Николая Николаевича. Некоторое время спустя его перевели в одиночку Военной тюрьмы на Нижегородской улице. Дабы ослабить действенность статьи и оспорить ее выводы большевики перенесли обвинения Пильского на него самого, “прибегли к довольно оригинальному и, надо сказать, остроумному способу. Они объявили (Пильского. – А.М.) ... сумасшедшим!”¹¹. Следствие длилось почти полгода, на допросы вызывали коллег, знакомых Пильского, пытаясь избежать скандала. До суда дело так и не дошло: Пильский был выпущен на поруки и, хотя и не сразу, но не дожидаясь дня суда, покинул Петроград, возможно, оправдав надежды властей на исчезновение самого предмета разбирательства.

Позже, уже в эмиграции, друживший с ним Куприн писал, что Пильскому повезло - он успел написать свою статью до убийства Урицкого (август 1918 г.), “иначе не избежать бы было ему офицерской поездки на баржах из Питера в Кронштадт. Он вдвойне был виновен перед великой революцией: как белогвардеец, потому что участвовал в войне, и как гнусный милитарист, потому что был тяжело ранен”¹².

Выпущенный на поруки, Пильский в конце сентября был приглашен на встречу с главой германской миссии в Советской России Бартельсом и его помощником по русскому отделу лейтенантом в отставке Кноцером. На этой встрече, по воспоминаниям самого Пиль-

ского, говорилось о судьбе русского книгоиздания, которому немецкие книгоиздатели готовы были помочь. Организация первого альманаха была поручена Пильскому, и он в первый же вечер получил согласие ряда писателей, среди которых не было ни одного, который ощущал бы тесную духовную связь именно с немецкой культурой. Это были “Амфитеатров – италofil, Ремизов – влюбленный знаток русского языка и русской старины, Мережковский – франкофил”¹³. Кроме них, в альманахе должен был участвовать и Куприн. Вскоре рукописи были собраны, редактором издания был назначен Пильский, стоял лишь вопрос о том, кто должен ехать в Берлин. “По многим соображениям”, - писал Пильский, - “выходило, что ехать должен я. Хотя бы потому, что мне предстояло судиться в революционном трибунале”¹⁴. Из двух возможных направлений исхода - Псков или Украина, где еще держалась подпираемая германскими штыками власть гетмана Скоропадского, Пильский выбрал последний. Германская миссия снабдила его запиской, содержание которой Пильскому, по его утверждению, известно не было.

Из Петрограда Пильский выехал 20 октября. Как было спланировано, он проехал по России следующим маршрутом: на поезде через Москву до Орла, затем на лошадях до маленькой станции Возы и до границы, которую он собирался перейти в годовщину революции, когда все пограничники, по его разумению, должны были отмечать это событие. Так оно и получилось: “Пограничников мы (Пильский и его жена Е.С. Кузнецова. – А.М.) не встретили. Границу между РСФСР и Украиной представлял собой небольшой деревянный мостик. Наша повозка переехала его в течение одной минуты. Нас никто не остановил. Часового не было даже на сторожевой вышке. Мы переехали границу, я повернулся в сторону Советов и – каюсь, - не нашел ничего лучшего, как по-мальчишески весело показать им кукиш: не поймали!”¹⁵. Далее путь Пильского пролегал через Фатеж, Дмитриев и ряд сел в Рыльск, затем в Киев, через город Голта (Первомайск) в Херсон. Из Херсона в Одессу, далее в Кишинев и оттуда через Польшу в Латвию.

В течение трех лет (1918 – 1921 гг.) Пильский постоянно менял место жительства¹⁶. “В довольно сложном составе понятия “бегства” есть только одна сторона, одна черта, не отвергаемая мной и в моих поступках. “Бегство” я приемлю только в одном смысле, - в смысле “тайны”. Это было даже не бегство, а перебежка, еще точнее: пересе-

ление. Я считал себя вправе жить, где мне хочется и как мне хочется»¹⁷.

Едва ли Пильским был заранее определены весь маршрут этого бегства и его конечный пункт.

Первую часть дороги Пильский проехал быстро: уже 1 ноября 1918 г. ему удалось осесть в Киеве, несмотря на то, что он был на несколько дней задержан на границе гетманской Украины, на станции Коренево. Именно здесь ему пригодилась записка германской миссии: «Надо сказать, что германская миссия, хотя и не давала нам никакого официального документа, тем не менее снабдила меня коротенькой запиской... Но, очутившись на территории, занятой немцами, мы предъявили этот лоскуток первому же часовому, и тотчас, с отменной вежливостью, он проводил нас к коменданту»¹⁸.

В Киеве Пильский стал сотрудничать в ежедневной газете «Наш путь», редактором которой был бывший адвокат Ф.Н. Зейлингер. Вскоре в Киеве после падения власти Скоропадского ненадолго утвердилась власть Петлюры. Уже после наступления нового 1919 г. продолжилось бегство: «Рухнул Скоропадский, прихлынули и отхлынули петлюровские гайдамаки и медленно напозлали большевики»¹⁹. Пильскому удалось сесть в один из редких и битком набитых поездов, отходящих на юг.

К Пасхе 1919 г. Пильский успел добраться до Одессы, где за неимением средств для дальнейшего бегства ему пришлось остаться. Жить было тяжело: населению выдавали по четверти фунта хлеба, испеченного из гороха, которым «греки кормили своих мулов»²⁰, в городе царил голод. В мае Пильскому и его жене, актрисе Кузнецовой, предложили работу в передвижном театре. Они согласились без колебаний, – паек там был сытнее, чем хлеб из гороха, к тому же в деревнях легче жилось. Пильский понадобился театру в качестве лектора, который, по его собственным словам, «покрикивая» перед поднятием занавеса, должен был разъяснять бдительным красноармейцам, относившимся к театру как к буржуазному наследию, содержание пьесы и культурное значение театра.

Весь 1919 г. их театр гастролировал на периферии Украины; Пильский назвал ее «историческим коридором, по которому то и дело проходили красноармейцы, за ними тянулись чрезвычайки, штабы, исполкомы, пролетали на своих бесчисленных тачанках свирепые махновцы, мелькали случайные отряды отдельных атаманов, появля-

лись там и тут повстанческие формирования, брели толпы так называемой крестьянской армии”²¹.

Относительно спокойное существование закончилось для Пильского в январе 1920 г. в Херсоне, который контролировала Добровольческая армия, однако Красная армия уже приближалась к городу. 13 января Пильский выехал на последнем пароходе “Георгий” в Одессе. На следующее утро беженцы обнаружили, что вся группа из 21 корабля, вмерзла в лед Днепра у деревни Каспаровка. На четвертый день под командой полковника Потапова “с винтовками за плечами, с женщинами и детьми в центре добровольцы с “Георгия” двинулись в путь. На Таврию!”, а через некоторое время пароход захватили махновцы.²³

На этот раз Пильский был в дороге пятнадцать дней, а затем некто Рак, везший его по району Очакова, сдал его большевикам (подробности этой операции он так никогда и не описал). Тем не менее, Пильскому удалось получить свободу и добраться до Одессы, но из-за этой задержки он опоздал, во-первых, на пароход, и, во-вторых, уехала иностранная миссия, которая должна была взять его с собой.

Зиму и весну 1920 г. в Одессе под властью большевиков Пильский пережил относительно спокойно. Хотя несколько раз выдавались ордера на его арест, но знакомым Пильского в ЧК удавалось либо отложить арест, либо предупредить самого Пильского. В мае, после очередного предупреждения о неизбежном аресте, Пильскому пришлось уйти в подполье. На третью ночь после его исчезновения к ним на квартиру пришли чекисты, которые произвели обыск, почти сутки допрашивали его жену, но она действительно (как утверждает Пильский) не знала, где он скрывается.

Найти убежище было сложно, дома и квартиры “буржуа и интеллигенции” почти каждый день обыскивали. Переходя из семьи в семью, сменив пять квартир, Пильский, наконец, был устроен за городом, в дачном районе. Несколько недель он скрывался у “самого обыкновенного красноармейца”, который жил на первом этаже, а Пильский на втором²⁴. Красноармеец и несколько его товарищей были посланы туда на огородные работы. Обитатели дома, по воспоминаниям Пильского, не зная друг друга, подозревали в каждом чекистов. Очевидно, подозрения были оправданы, потому что на этой даче Пильский все-таки был арестован, так и не узнав, кто был доносчиком.

Его повели в отделение милиции и потребовали предъявить документы. В то время Пильский жил с поддельным паспортом, где он значился как мастер ювелирной артели. “Это был очень удачный паспорт. Никакая другая специальность не подходила к моему внешнему виду. Какой же это рабочий с такими руками? Но сойти за “ювелирно-го пролетария” я мог вполне”²⁵. Однако, несмотря на это, Пильского оставили в участке для выяснения личности. Понимая свое положение, он попросился выйти и, воспользовавшись моментом, сбежал.

Сменив еще десяток квартир, едва не попав в руки ЧК, в одну из августовских ночей 1920 г. Пильский был переправлен через Днестр. Именно этот вариант он выбрал из предложенных ему двух: либо идти в Вознесенск, либо же в Кишинев.

В Кишинев, город, который для беженцев был одним из возможных путей в Европу, - “через эту дверь вливается и идет в Австрию, в Германию, на Балканы все южное, т.е. новороссийское и украинское беженство”²⁶ - Пильский приехал, “как был, как украдкой ходил по советской Одессе: отпущенная, скомканная борода, давно не стриженные волосы, синяя косоворотка и какая-то рвань на ногах. Если бы в таком виде стать на паперти, наверное, подали бы”²⁷. По приезде Пильский тут же отправился в редакцию местной газеты, где его, естественно, приняли за самозванца, но недоразумение разъяснилось, и Пильский был принят в ряды сотрудников газеты “Наше слово”. Вскоре он съездил в Бухарест, где хлопотал о разрешении открыть собственную ежедневную газету (к сожалению, точно не известно, получил ли он разрешение на издание, но из его воспоминаний можно понять, что разрешение было дано). Сотрудничал он также в журнале “Зарницы”.

В Бессарабии, включенной в состав Румынией, Пильский жил и работал год. В августе, получив от румынских властей новый документ – выездной паспорт (Passeport a' l'etranger) без разрешения на возврат в страну, он 30 августа вместе с женой отправился в Латвию. Ехали они через Польшу, где впервые были зарегистрированы 3 сентября, а через месяц, 2 октября, пересекли границу Латвии, где Пильский жил (за исключением 1922 - 1927 гг., когда он в Таллинне сотрудничал в русскоязычных и эстоноязычных газетах²⁸) и работал до своей смерти в конце 1941 г.

ⁱ Пильский П. Шамашечкины//Последние известия. 1923.8 февраля.

² *Набоков В.* Красавица. Собр. соч. в 4 т. М., 1990. Т. 2. С. 426.

³ Там же. С. 427.

⁶ Например, в начале 1918 г. в газете “Петроградское эхо” были опубликованы фельетоны “Реакция” (15 марта), “Жаль графа Мирбаха!” (16 апреля) и другие.

⁷ Русская периодическая печать (1895 - окт. 1917): Справочник. М., 1957. С. 273.

⁸ *Пильский П.* Шамашечкины//Последние известия. 1923. 8 февраля.

⁹ *Куприн А.* Петр Пильский. Тридцать лет литературной деятельности// Сегодня. 1931. 19 апреля.

¹⁰ *Пильский П.* Шамашечкины.

¹¹ *Пильский П.* Шамашечкины.

¹² *Куприн А.* Петр Пильский...

¹³ *Пильский П.* Секретное поручение в Берлине//Сегодня. 1938. 6 сентября.

¹⁴ *Пильский П.* Секретное поручение в Берлине.

¹⁵ *Пильский П.* Секретное поручение в Берлине.

¹⁶ В одном из своих писем А. Куприн так характеризовал П. Пильского: “Он вовсе не Петр Пильский. Это его псевдоним. Настоящее его имя и звание: Ван Питер Пильвер, шкипер корабля “Летучий Голландец”. Потому-то постоянно адреса и не имеет, осужденный роком на вечное передвижение”. (Неизвестные письма А.И. Куприна из Парижа в Таллинн//Радуга(Таллинн). 1987. № 6. С. 44.

¹⁷ *Пильский П.* Секретное поручение в Берлине.

¹⁸ *Пильский П.* Секретное поручение в Берлине.

¹⁹ *Пильский П.* Старые вокзальные огни//Сегодня. 1925. 28 декабря.

²⁰ *Пильский П.* Смерть балерины//Сегодня. 1926. 4 апреля.

²¹ *Петроний.* Удар топора//Последние известия. 1923. 30 января.

²³ *Пильский П.* Приговоренные//Последние известия. 1922. 4 декабря.

²⁴ *Шуйский П.* Подполье//Последние известия. 1923. 20 февраля.

²⁵ *Шуйский П.* Подполье.

²⁶ *Петроний.* Бессарабия//Последние известия. 1923. 5 февраля.

²⁷ *Пильский П.* Затуманившийся мир. Рига, 1929. С. 88.

²⁸ Подробнее см.: *Меймре А.* П. Пильский в Эстонии: 1922 – 1927//Балтийский архив. Таллинн, 1996. Т. 1. С. 202-217; *Меймре А.* Когда оседает туман: Эстонские штрихи биографии Петра Пильского//Вышгород. 1995. № 4. С. 137-139.